

Петръ Великій, какъ первый лѣсоводъ въ Россіи.

Еще недавно вся Россія праздновала двухстолітній юбилей своего великаго преобразователя. Его исторический образъ, уже полузакрытый туманомъ старины, въ виду сильнаго движенія современной жизни, — снова выяснился передъ глазами его потомковъ, во весь свой колоссальный ростъ. Почти всѣ специальныя изданія заговорили о Петрѣ, какъ представителѣ известнаго специальнаго дѣла, — военнаго, морскаго, медицинскаго, народнаго образованія и т. д. Каждой специальной отрасли народной жизни онъ далъ сильный толчокъ, продолжающій дѣйствовать еще и теперь. Поэтому намъ кажется также не лишнимъ посвятить предлагаемый бѣглый очеркъ памяти Петра, какъ первого лѣсосто-вода въ Россіи.

Когда мы говоримъ о «лѣсосто-дѣлѣ» при Петрѣ, то конечно мы не можемъ принимать это слово въ его современномъ значеніи. Между временемъ Петра и нашимъ легла цѣлая бездна, — наука въ XIX столѣтіи сдѣлала громадные успѣхи, и наши понятія — политическія, общественные, юридическія, естественно-научныя — уже совсѣмъ не тѣ, которыя въ эпоху Петра казались справедливыми. Поэтому было бы невѣрно подводить всѣ дѣйствія Петра подъ нынѣшнюю точку зрѣнія, а слѣдуетъ ихъ разсматривать, какъ и вообще дѣйствія каждого исторического лица, въ свѣтѣ той эпохи, которой онъ явился самымъ крупнымъ представителемъ.

Кромѣ того, надо постоянно имѣть въ виду два обстоятельства: Петра, какъ всякаго коренного реформатора, на каждомъ шагу встрѣчало явное и тайное противодѣйствіе, и это противодѣйствіе, раздражая его, вызывало и съ его стороны жестокія мѣры; затѣмъ ненадобно забывать, что онъ былъ фанатикъ своей идеи, государствен-

наго величія и преобразованія Россії, и весь увлеченій великой исторической миссіей, онъ уже не останавливался ни передъ чѣмъ, лиши бы только вывести полутатарскую Россію на дорогу европейской цивилизації.

Съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать и тѣ дѣйствія Петра, которыя касались лѣснаго хозяйства.

До Петра, во весь долгій историческій періодъ отъ 862 до 1703 года, не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ, никакого памятника, который показывалъ бы заботу правителей о лѣсномъ хозяйствѣ: сохранились только жалованныя грамоты, которыми давалось право владѣнія на лѣсныя дачи, преимущественно монастырямъ. Впрочемъ лѣсовъ было такъ много (за исключеніемъ южной степной полосы, бывшей всегда безлѣсною), что не было никакого побужденія для охраненія или бережливаго употребленія огромныхъ лѣсныхъ богатствъ. Всѣ путешественники по Россіи XV и XVI столѣтій согласно говорять о лѣсистости московскаго государства. По ихъ словамъ, вся Московія представляла почти одни лѣсныя пространства, близъ самой Москвы водились лоси и кабаны, и проѣзжая изъ Астрахани въ Москву, и потомъ черезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу — повсюду путешественниковъ провожали почти непрерывные лѣса, среди которыхъ изрѣдка встрѣчались разсѣянныя небольшія поселенія.

О самыхъ элементарныхъ требованіяхъ лѣснаго хозяйства, напр. о размежеваніи лѣсовъ между владѣльцами, не существовало никакихъ точныхъ постановленій. Вотъ напр., какъ описывались въ 1534 году границы одного принадлежащаго монастырю имѣнія: «отъ рѣки Суслы врагомъ вверхъ, на лѣвой сторонѣ у врага три березы на одномъ корени; а отъ трехъ березъ прямо на

лѣсь на березу, а на березѣ грани и рубежи, а съ березы на двѣ ели на одномъ корени, а на нихъ рубежи, а съ ели на березу, а съ березы на ель да на виловатую березу».

Самодержавіе Петра началось въ 1689 году; съ 1694 года начались его работы по сооруженію флота (на Воронежской верфи), а въ слѣдующемъ 1695 году онъ вывель уже въ Азовское море 2 военныхъ корабля, 23 галеры, 2 галеаса и 4 брандера; въ слѣдующемъ, 1696 году этотъ новорожденный флотъ уже грозно далъ себя знать врагамъ Россіи, — Азовъ былъ покоренъ. Для постройки флота, съ которымъ Петръ связывалъ столько гордыхъ и славныхъ надеждъ, нужень быль лѣсь, — и притомъ лѣсь известныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ, и совершенно-здоровый. Деревья, представляющія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельного лѣса. Въ 1703 году вышелъ первый указъ его по лѣсному законодательству, послужившій начальнымъ звѣномъ въ исторіи развитія этого законодательства. Петръ велѣлъ описать всѣ лѣса, находящіеся отъ большихъ рѣкъ въ обѣ стороны на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ большія, на 20 верстъ. Въ этихъ предѣлахъ лѣса объявлялись заповѣдными. Древесныя породы раздѣлялись на двѣ категоріи: запрещенные и дозволенные. Къ первымъ отнесены: дубъ, кленъ, илимъ, вязъ, лиственница и сосна отъ 12 вериковъ въ діаметрѣ. Породы эти запрещено было рубить въ заповѣдныхъ предѣлахъ, а дубъ запрещено было рубить вовсе, подъ страхомъ смертной казни. Въ послѣдствіи указъ этотъ смягченъ былъ только тѣмъ, что вмѣсто смерти, виновные въ

порубкѣ дуба подвергались кнуту и каторгѣ. За другія запрещенные породы назначень былъ штрафъ, по 10 руб. за дерево. Къ дозволеннымъ породамъ отнесены: липа, ясень, береза, осина, ольха, ель, орѣшникъ, ива и сосна тоныше 12 вершковъ. Породы эти дозволено было рубить безъ всякихъ ограничений.

Въ этомъ первомъ указѣ Петра поражаетъ насть строгость назначенныхъ за порубку наказаний. Не оправдывая вовсе этой безполезной жестокости, замѣтимъ, что и въ Германіи было время, когда за самовольную сдирку коры съ дерева, виновному распарывали животъ и внутренностями привязывали къ поврежденному дереву. Всѣ эти ужасы давно исчезли изъ европейскихъ кодексовъ, благодаря наукѣ; а Петръ Великій первый послалъ въ нашемъ отечествѣ плодотворныя семена науки; дальнѣйшее развитіе его же идеи привело къ вполнѣшему отрицанію всего того, что было въ его законодательствѣ жестокаго... Кромѣ того, этотъ строгій указъ едва ли исполнялся на самомъ дѣлѣ, и вѣроятно никто не былъ казненъ за порубку дуба. Мало было издать законъ, предписывающій соблюденіе извѣстнаго правила: надо было кромѣ того создать еще учрежденіе, которое заботилось бы о томъ, чтобы законъ действительно соблюдался. Такого учрежденія въ первые годы царствованія Петра не существовало. Только въ послѣдніе годы своей жизни, онъ создалъ небывалое вовсе до того времени лѣсное управление. Для завѣдыванія лѣсами учреждены были вальдмейстеры. Общая вальдмейстерская инструкція издана была 3-го декабря 1723 года. Главное завѣдываніе лѣсами поручено Адмиралтейской Коллегіи. Вальдмейстеры находились въ Петербургѣ, Новгородѣ, Воронежѣ, Ря-

зани, Брянскъ, Смоленскъ и Муромъ. Въ помощь имъ даны унтеръ-вальдмейстеры, которымъ поручались не лѣсные пространства, а крестьянскіе дворы, — отъ 2 до 3 тысячи дворовъ на каждого. Велѣно было описать лѣса въ заповѣдныхъ предѣлахъ и составить карты, съ обозначеніемъ лѣсныхъ дачъ, рѣкъ и пристаней, къ которымъ удобно доставлять лѣсъ. Кромѣ того предписывалось раздѣлить на участки для охраненія и въ лѣсные сторожа велѣно назначать крестьянъ и отставныхъ солдатъ. По тогдашнему времени это была довольно стройно организованная система охраненія лѣсовъ. Многія статьи изъ вальдмейстерской инструкціи и до сихъ поръ сохранились въ VIII т. уст. лѣснаго. Такъ напр., огня ни подъ какими деревьями ближе 2 сажень не раскладывать, при дѣланіи въ лѣсахъ палежей призываютъ народъ съ огнегасительными снарядами, — въ случаѣ пожара въ лѣсу сывать окрестныхъ жителей за 10 верстъ, и проч.

Изъ числа чисто-хозяйственныхъ мѣръ, относящихся къ лѣсамъ, можно указать на слѣдующіе законы Петра: о раздѣленіи заводскихъ лѣсовъ на 25-30 лѣсосѣкъ и о вырубкѣ ежегодно одной лѣсосѣкѣ; о введеніи пилы при заготовкѣ дровъ, о клейменіи лѣсовъ, заготовляемыхъ частными промышленниками, о посѣвѣ дубовыхъ желудей въ Астраханской губерніи и около Таганрога, о приготовленіи поташа изъ остающихся отъ заготовки корабельныхъ деревъ сучьевъ и щепы, о разработкѣ торфа для сбереженія дровъ и проч. Вообще въ царствование Петра изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ, относящихся къ лѣсному хозяйству, и видно, что Петръ имѣлъ нѣкоторое пристрастіе къ этому дѣлу: по Петергофской дорогѣ онъ самъ

выбралъ мѣсто въ 200 шаговъ длины и 50 ширины и засадилъ его дубками.

Приведемъ еще нѣсколько характеристическихъ фактовъ изъ исторіи Петра. Такъ какъ заповѣдныя пространства лѣсовъ не были ничѣмъ отграничены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, провести между въ три сажени шириной, и построить на ней, для страха, черезъ каждыя 5 верстъ, по висѣлицѣ.

Въ Петербургѣ, гдѣ расположень нынѣшній гостинный дворъ, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго запретилъ всякую рубку. Не смотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней. Петръ велѣлъ десятаго изъ виновныхъ повѣстить, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ. Екатерина упростила Петра не наказывать никого смертью, — и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошли въ дѣло кнуть, шпицрутены, каторга.

Въ Петербургѣ, только что построенномъ тогда, дрова сильно вздорожали, и Петръ, обративъ вниманіе на нужды своей новой столицы, разрѣшилъ затрудненіе очень скоро: указомъ 11 декабря 1719 года дозволено было всѣмъ и каждому рубить дрова безпошлино, въ чьихъ бы да- чахъ не было, отъ р. Славянки по обѣ стороны Невы, до Шлиссельбурга, а чтобы лѣсовладѣльцы не препятствовали рубщикамъ, то послѣднимъ велѣно было ѻздить въ лѣсъ компаніями, не менѣе 20 человѣкъ. Въ наше время въ дорожизнѣ дровъ виноваты ужъ вовсе не лѣсовладѣльцы, а лѣсопромышленники.

Изъ всего изложеннаго видно, что общимъ характере-

ромъ постановленій Петра о лѣсахъ — была строгая запретительная система и признаніе за лѣсомъ государственаго значенія. Лѣсъ въ то время важенъ былъ не самъ по себѣ, не какъ источникъ народнаго благосостоянія, — онъ нуженъ былъ государству для потребностей флота, для войны. Породы, необходимыя для этой цѣли, запрещено было рубить безусловно, подъ страхомъ смертной казни, — остальные породы, не нужныя государству, составляютъ общее достояніе, и право частной собственности на лѣса не признается. Выдѣливъ для себя, что нужно, а остальное отдавъ на волю всѣхъ, государство уже не заботилось о лѣсномъ хозяйствѣ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Не смотря на то, что съ нынѣшней точки зрењія, мѣры Петра относительно лѣсовъ не имѣли ничего общаго съ наукой, изъ его указовъ, изъ его вальдмейстерской инструкціи, органически развилось все нынѣшнее лѣсное законодательство. Его прогрессивное движеніе впередъ состояло въ томъ, что оно все болѣе и болѣе утрачивало свой запретительный характеръ, свои жестокости, все болѣе и болѣе отказывалось признавать за лѣсами правительственное значеніе, стремилось придать имъ народохозяйственное, экономическое, общеполезное значеніе. Изучая историческое движеніе нашего лѣсного законодательства, мы можемъ различить въ немъ слѣдующіе четыре главные момента:

1) До Петра I лѣса въ Россіи не имѣютъ почти никакого значенія. Ими всякий могъ пользоваться, какъ воздухомъ или водой. Это — эпоха изобилія лѣсовъ при малой въ нихъ потребности.

2) Съ Петра I обнаруживается потребность въ корабельномъ лѣсѣ, и потому лѣса пріобрѣтаютъ государ-

ственное значение, создается строгое лѣсное законодательство и управление. Этотъ взглядъ на лѣса выразилъся въ самой рѣзкой формѣ при Петре и продолжался до Екатерины II.

3) Съ Екатерины Великой, но главнымъ образомъ съ оберъ-форстмейстерской инструкціи Павла I, лѣсъ начинаетъ пріобрѣтать экономическое значение; лѣса начинаютъ замыкаться въ юридической границы; является забота о лѣсномъ хозяйстве, о приготовленіи специалистовъ, сначала больше на бумагѣ, въ указахъ и предписаніяхъ, а съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ начинается оживленная работа въ самыхъ лѣсахъ. Но на всемъ нашемъ лѣсоводствѣ лежала еще печать крѣпостного права и потому лѣснаго хозяйства въ точномъ смыслѣ, слова не существовало. Обязательная лѣсная стража, обязательные работы со стороны крестьянъ, запрещенные корабельныя рощи, запрещенные породы, все это наслѣдіе прежнихъ временъ существовало до настоящаго царствованія.

4) Только съ нынѣшняго царствованія лѣсоводство въ Россіи вступило на тотъ же путь, по которому оно идетъ и въ западной Европѣ. Слѣды крѣпостного права исчезли изъ него навсегда. Оно получило чисто экономическое значение. Но какого бы дальнѣйшаго развитія оно ни достигло, все таки оно обязано своимъ появлениемъ, своимъ первымъ началомъ Петру Великому, котораго поэтому и можно назвать первымъ лѣсоводомъ Россіи.

Н. Зобовъ.